

Узбекистан между политической модернизацией и социальным консерватизмом

Аннотация. В статье анализируется проблема формирования и развития классического государства и классической демократии в Узбекистане в современном мире, где глобализация и технологическая революция трансформируют сущность как государства, так и демократии.

В статье аргументируется необходимость отказа от постсоветского лексикона в обсуждении и осмыслении политической перспективы. Обсуждается проблема архаичных пережитков в общественных отношениях, которые не только противоречат модернизации общества и государства как таковых, но и во многом объективизируются в геополитических интерпретациях направлений развития страны. Выдвигается гипотеза пост-демократии и нео-демократии.

Ключевые слова: Узбекистан, модернизация, консерватизм, демократия, глобализация.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6887/2023-142-1-235-242>

Поступила: 07.11.2022 / Одобрена ко публикации: 11.01.2023

Введение

Обретение независимости Узбекистаном в 1991 году стало беспрецедентным поворотным моментом в истории страны как в плане строительства новой государственности, так и в плане новых общественных отношений. Оба аспекта – новая государственность и новые общественные отношения – именно как новые реалии стали экзистенциальным испытанием для всего народа, отразившем в себе и его возрожденческое устремление в свое прошлое, и его эклектические бытие в настоящем, и эйфористичное устремление в будущее. Эти два аспекта сложны, уникальны и взаимосвязаны.

После обретения независимости в Узбекистане (как, впрочем, во всех бывших

советских республиках) причудливым образом переплелись в разных пропорциях и с годами преобразились досоветские, советские и постсоветские начала в государственной системе, общественных отношениях и идентичности людей. Досоветские начала были обусловлены воспоминанием тех реалий, которые существовали до колонизации и установления советской власти, в порыве возрождения исторической справедливости и утраченной идентичности и ценностей. Советские начала естественным образом сохранялись как пережиток, как фактор инерции системы, а также как фактор ностальгии. Постсоветские начала стали возникать в виде неизбежной замены старого новым и как эйфория отрицания тоталитарного прошлого.

Переплетение этих трех начал обусловило эклектичность, «плюралистичный» симбиоз различных свойств и качеств новой государственности и новых общественных отношений. Все это может показаться нормальным процессом в силу перехода от одной социальной и политической системы к другой, если бы в этой «нормальности» не были скрыты свои вызовы, связанные с трансформацией самой сущности современного государства и общества, а также множественностью проявлений идентичности людей именно в связи с небывалыми вызовами XXI века.

Сегодня перед страной и высшей властью стоит не просто задача строительства классического национального государства (nation-state) и даже не просто проблема создания классической демократии (это было бы действительно относительно простой и обычной задачей). Все эти понятные и «простые» процессы совпали с мощным вторжением в сферу прерогативы государства внешних детерминирующих его *modus operandi* факторов, вызванных глобализацией и последствиями технологического XXI-го века.

В силу этого многие концепты политологии и теории международных отношений начали пересматриваться. Например, если раньше считалось, что внешняя политика есть продолжение внутренней, то теперь и внутренняя политика может быть продолжением внешней. Глобальные информационные процессы и цифровизация ускорились и усложнились настолько, что в результате огромных масштабов передачи данных (big data) соответственно возросли возможности манипуляции информацией, из-за чего появились такие термины, как «пост-правда», «живые сообщения» (fake news), «гибридные войны», «цветные революции», «цифровая геополитика», «мультикультурализм», «популистская политика» и т.д. Представления в мире о свободе, демократии, правах человека, справедливом обществе, религии также претерпевают тревожные метаморфозы.

Среди множества таких метаморфоз, например, резкое распространение, так сказать, популяции роботов. Роботы стали выполнять некогда обычные и будничные человеческие функции до такой степени, что их статус стал почти приравниваться к статусу самого человека. (Вспомним нашумевший первый в истории прецедент предоставления гражданства роботу). Уместно, наверно, уже вводить новый термин «homo-robot» наряду с «homo-sapiens».

Постановка проблемы

Юваль Ной Харари в своей ставшей знаменитой недавней книге обращает внимание на технологический вызов современности и задается вопросом: Куда мы движемся? «Человечество теряет веру в либеральную идею, - пишет он, - преобладавшую в мировой политике в последние десятилетия, именно сейчас, когда слияние информационных технологий с биотехнологиями ставит перед нами задачи, с какими человечество еще никогда не приходилось иметь дело» [1]. Он отмечает, что «в XX веке мировые элиты в Берлине, Москве, Нью-Йорке и Лондоне предложили три грандиозные концепции, призванные объяснить прошлое и предсказать будущее всего мира. Это фашистская концепция, коммунистическая концепция и либеральная концепция... В 1938 году человечество могло выбирать из трех глобальных проектов; в 1968-м – из двух; в 1998-м казалось, что восторжествовал один из них, и вот к 2018-му мы остались ни с чем» [1].

«Нынешняя информационная революция, - пишет американский политолог Фарид Закария, - произвела тысячи выходов для новостей, что делает центральный контроль не возможным и выражение несогласия легким. Интернет продвинул этот процесс на еще одно громный шаг вперед, став системой, где говоря словами колумниста Томаса Фридмана, все связано, но никто не под контролем» [2].

В то время как институт государства и нации во всем мире претерпевает

фундаментальные изменения, мы строим классическое государство и классическую демократию. Другими словами, мы идем по пути так называемого догоняющего развития и в силу этого мы как будто обречены на перманентное отставание. При этом стоит заметить, что отставание – это не великая проблема, по сравнению с застоем и движением назад. Поэтому здесь важно правильно определить, какое государство мы строим и как им надо управлять. Эклектичный симбиоз советского, советского и постсоветского начал может не только усложнить данный процесс, но и существенно исказить его.

Так, несмотря на богатую историю существования государственных образований на территории Узбекистана, нынешняя государственность практически не имеет ничего общего, например, с Империей Амира Тимура или Бухарским Эмиратом, или Кокандским Ханством, или Хивинским Ханством и т.д. Узбекистан сегодня – это наследие бывшей советской политики. Традиции политического руководства, тип управленческих кадров, в общем политический климат и государственные атрибуты были в течение десятилетий сформированы в период советской власти. В этом смысле Узбекистан во многом модернизированное и модернизирующееся государство.

Вместе с тем, наше общество во многом еще сохраняет архаичные черты и в этом смысле остается консервативным. Это выражается, например, в устойчивости клановых и местных связей и отношений. Пережиток клановости еще Первый Президент относил к разряду угроз национальной безопасности. Этот пережиток постепенно стирается за счет модернизационных процессов и формирования гражданского национализма в обществе и государстве, однако еще дает о себе знать в общественных отношениях. Курс на демократию с неизбежностью будет сопровождаться стиранием клановых пережитков.

Тем временем, нас преследует другая архаика – то, что называется абсентеизмом

масс, т.е. глубоко укорененная в общественном сознании аполитичность людей. Абсентеизм проистекает из разочарованности и недоверия граждан к государству и власти – с одной стороны, и из страхов и опасений последствий для своей безопасности и благополучия – с другой. Поэтому не столько сила кланов, сколько слабость гражданского общества является сегодня крупной проблемой государства и общества. Говоря точнее, абсентеизм общества, питаемый социальным консерватизмом (на самом деле абсентеизм и консерватизм взаимно обуславливают друг друга) и контрастирующий с модернизационным курсом государства становится причиной замедлений, ошибок и противоречий в проведении политических реформ.

В своем недавнем исследовании Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон показали, что в развитии и процветании стран решающее значение не имеют ни их географическое расположение, ни культура, ни история, ни даже знания или способности руководителей, а политические институты, которые авторы разделили по типу на экстрактивные и инклюзивные. Инклюзивные институты разрешают и стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, а это позволяет наилучшим образом использовать их таланты и навыки... Частью инклюзивных институтов обязательно являются защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности... Экстрактивные институты направлены на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части[3].

Многие склонны указывать на пресловутый менталитет узбеков, их восточный или азиатский образ жизни. Возможно, в этом есть свой резон, однако, не преувеличиваем ли мы онтологическое значение этого туманного, на мой взгляд, понятия? И не может ли оно оказаться удобным средством для оправдания некоторыми консервативными силами

медленности или половинчатости, или невозможности ускорения демократических преобразований? Идеи национальной исключительности многими учеными уже подвергаются критике как несостоятельные.

Наиболее часто встречаемое разделительное, фрагментированное видение мира хорошо описано и объяснено в известном труде Эдварда Саида «Ориентализм», в котором он указывает на то, что оба понятия «Ориент» и «Оксидент» искусственные понятия. Концепция Ориента (Востока) имеет свою традицию мышления, терминологию и существует на Западе и для Запада [3]. Саид обращает внимание на то, что в рамках ориенталистских воззрений Восток изображается как иррациональный, жалкий, не развитый, чуждый, а Запад как рациональный, достойный, зрелый, нормальный[4].

Заключение

Итак, где находится Узбекистан – на Востоке или на Западе? Большинство людей могут с уверенностью утверждать, что, конечно на Востоке. Однако этим самым они одновременно проявят как ориенталистское, так и оксиденталистское мировоззрение. Говоря, что мы восточная страна, мы признаем некую экзистенциальную разницу с западными странами, мы как бы отчуждаем Запад и тем самым вносим вклад в оксидентализм; говоря, что мы восточная страна, мы также вносим вклад в ориентализм, который служит интересам Запада (по Саиду).

Симптоматичным, в этой связи, представляется утверждение российского политолога Андрея Казанцева о том, что интересы США и РФ в Центральной Азии сильно отличаются друг от друга и о том, что возможная вестернизация этого региона может привести к нежелательным последствиям: «Однако как Запад может направить Центральную Азию на западноевропейский, капиталистический, демократический и светский путь развития, избежав при этом посредничества России,

исламского мира или стран АТР? Не несет ли такая попытка в себе очень серьезное противоречие, связанное с тем, что регион по своей истории, культуре, особенностям политических систем не подготовлен к резкой вестернизации, глобализации, демократизации и т.д.? В результате слишком активного наступления западных институтов регион может начать глобализироваться «негативно»[5].

Интересно, почему это они не готовы и почему может начаться «негативная» глобализация? И каким образом США в своем стремлении повести Центральную Азию по пути капиталистического, демократического и светского развития должны согласовывать эти свои действия с Россией? Я думаю, это типичный и красноречивый пример старо-геополитического взгляда на мир – с одной стороны, и пренебрежения, недооценки независимости и состоятельности стран Центральной Азии – с другой. Такими антиамериканскими мыслями российские СМИ и некоторые ученые сами сознательно или несознательно одновременно орошают всходы западного ориентализма и возвращают местный оксидентализм в странах региона[6]. Они не просто искажают реальность, но и могут способствовать дезориентации политического выбора. Фарид Закария на примере ряда стран Африки также показал, что если страны продвинулись в либерализации своих экономик и затем и своих политик, они пошлют мощный сигнал миру, что ни особенности культуры, ни религии, ни региона в общем-то не препятствуют демократии[7]. Соглашаясь с этим тезисом, думаю, нам важно концептуально определиться с вопросом о том, какую демократию нам надо создавать. В эклектическом сосуществовании, как было сказано выше, досоветского, советского и постсоветского начал (добавим фактор глобализации и тренды технологического века) трудно найти правильный путь. По крайней мере, некоторые характеристики окружающей нас действительности очевидны.

Так, по прошествии почти трети века независимого развития, требуют своего

обновления (диалектического развития) некоторые представления и характеристики бывших советских республик. На примере Узбекистана мы можем утверждать, что они уже не постсоветские, уже не переходные, уже не новые независимые, уже не объекты, а субъекты геополитики, и уже не архаично традиционные.

Первое означает, что постсоветская риторика политически устарела и не адекватна нынешним реалиям, поскольку: а) она постоянно указывает на тридцатилетней давности политическую атмосферу, связанную с инерционным влиянием, наследием как будто недавнего советского прошлого, которое хоть и вполне понятно и естественно, все же не может продолжаться бесконечно; б) она выделяет это самое «постсоветское» пространство, как будто заполненное народами и странами, обреченными оставаться в орбите российского геополитического доминирования (т.к. советское единство народов и стран создавалось вокруг России и иным быть не могло); в) она явно или неявно представляет «постсоветское пространство» как некое единое и неразделимое пространство или группу государств, по отношению к которым применимы единые или схожие законы и принципы анализа, ведущие к такому восприятию.

Второе означает ошибочность риторики и представлений так называемого переходного периода. Термин «переходный» по смыслу означает временное, скоротечное и не оформившееся состояние, которое в итоге приводит к более устойчивым и четким характеристикам. В переходный период наряду с зарождением нового, сохраняются (в виде пережитков или остаточных явлений) и элементы старого. Называть социально-политическую и экономическую систему Узбекистана переходной не верно. За годы независимости эта система претерпела значительную трансформацию, и если и сохраняются элементы старой системы, то они, как рудименты, не оказывают решительного влияния на процесс развития. Более того,

устойчивая характеристика системы как переходной служит интересам консервации оставшихся от прошлого общественных отношений и традиций государственного управления.

Третье означает, что не верно представлять бывшие советские республики как новых независимых поскольку: а) они все же обладают историческим опытом государственности, существовавшим до советской власти, на который постоянно ссылаются их руководители, элиты, ученые и СМИ; б) даже более чем 70-летний советский опыт развития в качестве союзных республик также обеспечил им, помимо прочего, опыт «новой» государственности, на основе которой она теперь дальше развивается; в) новыми тоже все время нельзя оставаться, они уже опытные, иначе этим термином (новые) можно представить их как перманентно слабых, неопытных, уязвимых, о которых следует, так сказать, позаботиться, таким образом обесценивая независимость и суверенитет этих государств; г) они такие же новые, как и сама Россия – плоть от плоти, кровь от крови СССР, – но о ней почему-то не говорят как о новом независимом государстве, что указывает на тенденциозность подобной характеристики.

Четвертое означает на важность признания «постсоветских» государств в качестве субъекта, а не объекта геополитики. Другим словами, если в прошлом они (в нашем случае Центральная Азия страны) оказались в эпицентре известной геополитической Большой игры великих держав, приведшей их к привязке к единственному мировому центру силы – России/СССР, то нынче они свободны от такой жесткой привязки и могут сами «играть» на геополитическом поле, маневрируя между великими державами. Это подтверждается динамикой их международных отношений и внешней политики на протяжении всего периода после обретения независимости. С этой точки зрения, понятие «Евразия» также стало не вполне ясным, не всегда уместным и не безусловно приемлемым на всем бывшем советском пространстве.

Пятое (возможно, наиболее сложный экзистенциальный вопрос) означает критику описания общества Узбекистана (обществ Центральной Азии) как перманентно традиционных, восточных (азиатских), не восприимчивых к модернизации и демократии. Такое рассмотрение этих обществ, во-первых, дезориентирует общественное мнение и научный поиск различных альтернативных путей и выбора развития, приговаривая их к исторической стагнации; во-вторых, противоречит действительному положению вещей, поскольку общество никогда не было полностью изолировано от внешнего мира и влияния глобализации и модернизации, а нынче это взаимодействие с миром многократно усиливается; в-третьих, традиции, образ жизни, культура, «менталитет», сложившиеся особенности общественных отношений сами по природе не являются чем-то вечным и неизменным: они сами всегда проистекали и развивались из предшествовавших им образцов под влиянием исторических обстоятельств; в-четвертых, в конце концов, Конституция Узбекистана и официальная политика утверждают демократический выбор пути развития, так что традиционность не противоречит современности и демократии.

Итак, осознав и признав эти 5 теоретических «открытий», мы можем продолжать наши поиски верных решений касательно типа, характера государственного устройства и развития общественных отношений. Первейшей задачей, на мой взгляд, является ускорение раскрепощения общественного сознания от тоталитарных и авторитарных ограничителей, ускорение развития гражданского общества не только де-юре, но и де-факто, консолидация социального партнерства между государством и институтами гражданского общества, разворачивание панорамы открытого и критического дискурса относительно всего спектра проблем страны.

Другая важнейшая задача – очищение от примесей патримониальных отношений, которые, как показал Генри Хейл, довольно

устойчивы во многих постсоветских странах. Либеральная демократия требует полномасштабного уничтожения патрональных отношений. Патронализм – это «социальное равновесие, в котором главным средством для достижения политических и экономических целей является система персонализированных поощрений и наказаний, распределяющихся по цепочке личных знакомств, а не некие общие внеличностные принципы, идеологии или идентичности». Вкратце, концентрированные патрональные режимы – это те общества, в которых связи не просто имеют значение (как это происходит практически везде), а имеют значение в подавляющем большинстве случаев. Как правило, в подобных обществах наблюдаются сильные дружеские или семейные связи, слабое верховенство закона, повсеместная коррупция, низкий социальный капитал, всепроникающие патрональные отношения с клиентами, широко распространенное кумовство и то, что социологи называют «патримониальными» или «неопатримониальными» формами господства[8]. Эта проблема не тождественна проблеме клановости в Узбекистане, о которой шла речь выше. Она свойственна практически всем недемократическим политическим режимам. Это глубоко укоренившаяся в обществе и государстве проблема и пока не компенсированная альтернативными фундаментальными принципами и практиками.

Хейл также обратил внимание на важную закономерность: режимы колеблются между точками автократии и демократии в спектре политических прав. Во многих работах по демократии и автократии авторы рассматривают эти две полярные системы как антиномии, не уделяя должного внимания на промежуточные состояния в широком спектре выборов и опытов. Этот вопрос актуален и для Узбекистана, особенно в свете нового этапа реформ, инициированных Президентом Ш. Мирзиёевым.

«Скоропостижная кончина» в 1991 году одной социально-политической системы вызвала «скоропостижное рождение» другой.

При этом, ни та, ни другая, на мой взгляд, не были не то что воплощены в жизнь, но и не были полностью изучены и поняты теми, кто в том или ином качестве оказались причастными к созданию этих систем. Пока наши политические элиты и научное сообщество чаще всего оперируют устоявшимися, но уже устаревающими категориями, поэтому важно определиться и по ним. И главная из них, по моему, категория демократии.

Современная демократия, о которой мы знаем, была продуктом эпохи просвещения и индустриальной революции; она нынче сама меняется под влиянием информационной эры, меняющей как обычную жизнедеятельность людей, так и способы управления

обществом. В США этот ускоряющийся информационный процесс вызвал коллатеральный эффект – озабоченность ослаблением и экзистенциальным кризисом либеральной демократии. Говоря словами одного американского аналитика, пока не сформируется новый миропорядок, все институты – от государства до семьи, школы и предприятия социальные отношения во всем обществе будут изменяться кардинальным образом[9]. Я склонен называть это явление «пост-демократией». Мы же пока заняты «классической» демократией, и поэтому должны поскорее завершить этот процесс, чтобы совершить прыжок к пост-демократии, а может быть и к нео-демократии.

Список литературы

1. Юваль Харари. 21 вопрос для XXI века. – Москва: Синдбад. – 2019. – 100 с.
2. Fareed Zakaria. The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad. – New York: W.W. Norton & Co Ltd., 2007. – 125 p.
3. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – Москва: АСТ, 2012 – 105 с.
4. Said E. Orientalism. – New York: Vintage Books, 1979. – 125 p.
5. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – Москва: Наследие Евразии. – 2008. – 161 с.
6. Толипов Ф. «Ориентализм ва Оксидентализм масалаларига назарий қарашлар. Ўзбекистон ва Марказий Осиёни ўрганиш муаммолари» / Шарқшунослик. – 2018. – No. 1.
7. Fareed Zakaria, The Future of Freedom. – New York: Norton & Co, 2007. – 81 p.
8. Henry E. Hale. «25 Years After the USSR: What's Gone Wrong?», in Journal of Democracy. – 2016. – Vol. 27. – P. 10.
9. Walter Russel Mead. «The Big Shift. How American Democracy Fails Its Way to Success», in Foreign Affairs. 2018. [Электрон.ресурц]. – 2022. – URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-04-16/big-shift?cid=nlc-fa_twofa-20180419 (дата обращения: 01.05.2022).

Ф.Ф. Толипов

«Білім керуені» мемлекеттік емес ғылыми мекемесі, Ташкент, Өзбекстан

Саяси модернизация мен әлеуметтік консерватизм арасындағы Өзбекстан

Аннотация. Мақалада жаһандану мен технологиялық революция мемлекеттің де, демократияның да мәнін өзгертетін Қазіргі әлемдегі Өзбекстандағы классикалық мемлекет пен классикалық демократияның қалыптасуы мен дамуы мәселесі талданады.

Мақалада посткеңестік лексиконнан бас тартудың саяси перспективаны талқылау және түсіну қажеттілігі талқыланады. Қоғамдық қатынастардағы архаикалық қалдықтар мәселесі талқыланады, олар қоғам мен мемлекеттің модернизациясына қайшы ғана емес, сонымен бірге елдің даму бағыттарын ге-

осяси түсіндіруде объективті болып табылады. Пост-демократия мен нео-демократия гипотезасы алға тартылды.

Түйін сөздер: Өзбекстан, модернизация, консерватизм, демократия, жаһандану.

F.F. Tolipov

Non-governmental scientific institution «Caravan of Knowledge», Tashkent, Uzbekistan

Uzbekistan between political modernization and social conservatism

Abstract. The article analyzes the problem of the formation and development of the classical state and classical democracy in Uzbekistan in the modern world, where globalization and technological revolution transform the essence of both the state and democracy.

The article argues the need to abandon the post-Soviet lexicon in the discussion and understanding of the political perspective. It highlights the problem of archaic remnants in public relations, which not only contradict the modernization of society and the state, but they are also largely objectified in the geopolitical interpretations of the country's development directions. It also focuses on the hypothesis of post-democracy and non-democracy.

Keywords: Uzbekistan, modernization, conservatism, democracy, globalization.

References

1. Yuval` Kharari. 21 vopros dlya XXI veka [Twenty-one Questions for the Twenty-First Century]. (Moscow, Sindbad, 2019, 100 p.), [in Russian].
2. Fareed Zakaria. The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad (N.Y., W.W. Norton & Co Ltd., 2007, 125 p.).
3. Adzhemoglu D., Robinson Dzh. Pochemu odni strany` bogaty`e, a drugie bedny`e. Proiskhozhdenie vlasti, procvetaniya i nishhety` [Why Some Countries are Rich and Others Poor. The Origins of Power, Prosperity and Poverty]. (Moscow, AST, 2012, 105 p.), [in Russian].
4. Said E. Orientalism (N.Y., VintageBooks, 1979, 125 p.), [in Russian].
5. Kazanczev A.A. «Bol`shaya igra» s neizvestny`mi pravilami: mirovaya politika i Czentral`naya Aziya [The «Great Game» with Unknown Rules: World Politics and Central Asia]. (Moscow, Nasledie Evrazii, 2008, 161 p.), [in Russian].
6. Tolipov F. «Orientalizm va Oksidentalizm masalalariga nazarij qarashlar. U`zbekiston va Markazij Osiyoni u`rganish muammolari». Sharkshunoslik, 2018. No.1.
7. Fareed Zakaria, The Future of Freedom (N.Y., Norton&Co, 2007, 81 p.).
8. HenryE. Hale. «25 Years After the USSR: What`s Gone Wrong?» in Journal of Democracy. 2016. Vol. 27.
9. Walter Russel Mead.»The Big Shift. How American Democracy Fails Its Way to Success», in Foreign Affairs, 2018, Available at: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-04-16/big-shift?cid=nlc-fa_twofa-20180419 (accessed 01.05.2022).

Информация об авторах:

Толіпов Фарход Фозілович – директор Негосударственного научного учреждения «Караван знаний», Ташкент, Узбекистан.

Tolipov Farkhod Fozilovich – director of the Non-governmental scientific institution «Caravan of Knowledge», Tashkent, Uzbekistan.